

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGYУДК 2-175.6+1/3
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-7-17>Поступила в редакцию 06.11.2025
Received 06.11.2025**Д. М. Зайцев***Інститут філософії Національної академії наук Беларусі, Мінск, Беларусь***ІЗУЧЕНІЕ ФЕНОМЕНА ПАЛОМНИЧЕСТВА
В ФІЛОСОФІЇ І ЧАСТНИХ НАУКАХ**

Аннотация. Исследуется процесс изучения феномена паломничества в философии и частных науках. Рассматриваются ключевые этапы трансформации философского дискурса: от онтологического и теологического понимания паломничества как метафоры человеческого существования до экзистенциально-феноменологических и герменевтических концепций, раскрывающих его как фундаментальный модус бытия-в-мире. Отмечается вклад феноменологии религии, экзистенциализма и философской антропологии в разработку концептуального аппарата для анализа паломнического опыта. Указывается, что философская рефлексия сыграла важную роль в переходе от сугубо религиозного понимания паломничества к его интерпретации как универсального антропологического феномена. Обосновывается, что теология и философия заложили фундаментальные смысловые основания для последующего междисциплинарного изучения феномена паломничества. Особое внимание уделяется современному научному синтезу, интегрирующему разнообразные измерения паломничества. Частные науки, такие как история, антропология, социология, география, экономика, демонстрируют, что паломничество – это многомерный феномен, который сложно свести к одной дисциплине. Это одновременно духовный путь (теология), исторический институт (история), ритуал (антропология), порождающий особые социальные связи (социология) в специфически организованном пространстве (география) и экономический драйвер (экономика). Утверждается, что именно синтез подходов философии, теологии, частных наук позволяет понять паломничество как уникальное явление человеческой культуры, находящееся на стыке веры, общества, экономики и территории.

Ключевые слова: паломничество, философия, теология, история, социология, антропология, география, экономика, исследования паломничества

Для цитирования: Зайцев, Д. М. Изучение феномена паломничества в философии и частных науках / Д. М. Зайцев // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 1. – С. 7–17. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-7-17>

Dmitry M. Zaitsev*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***STUDYING THE PHENOMENON OF PILGRIMAGE IN PHILOSOPHY AND SCIENCES**

Abstract. This article explores the development and evolution of pilgrimage research in philosophy and the specific sciences. Key stages in the transformation of philosophical discourse are examined: from the ontological and theological understanding of pilgrimage as a metaphor for human existence to existential-phenomenological and hermeneutic concepts that reveal it as a fundamental mode of being-in-the-world. The contribution of the phenomenology of religion, existentialism, and philosophical anthropology to the development of a conceptual framework for analyzing the pilgrimage experience is noted. It is argued that philosophical reflection played a significant role in the transition from a purely religious understanding of pilgrimage to its interpretation as a universal anthropological phenomenon. It is argued that theology and philosophy laid the fundamental semantic foundations for the subsequent interdisciplinary study of the phenomenon of pilgrimage. Particular attention is given to contemporary scholarly synthesis integrating the diverse dimensions of pilgrimage. Specialized sciences such as history, anthropology, sociology, geography, and economics demonstrate that pilgrimage is a multidimensional phenomenon that is difficult to reduce to a single discipline. It is simultaneously a spiritual path (theology), a historical institution (history), a ritual (anthropology), generating unique social connections (sociology) in a specifically organized space (geography), and an economic driver (economics). It is argued that it is the synthesis of approaches from philosophy,

theology, and specialized science that allows us to understand pilgrimage as a unique phenomenon of human culture, located at the intersection of faith, society, economics, and territory.

Keywords: pilgrimage, philosophy, theology, history, sociology, anthropology, geography, economics, pilgrimage studies

For citation: Zaitsev D. M. Studying the phenomenon of pilgrimage in philosophy and sciences. *Vestsi Natsyyanal'noi akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2026, vol. 71, no. 1, pp. 7–17 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-1-7-17>

Введение. На сегодняшний день исследование темы паломничества довольно актуально, поскольку благодаря её рассмотрению мы можем изучить ключевые процессы современности: от глобализации и цифровизации до поиска смысла и идентичности. Цель данного исследования – проследить основные векторы осмысливания феномена паломничества в философии и частных науках, выявить особенности и специфический вклад каждой из них в общее междисциплинарное поле исследований паломничества.

Паломничество представляет собой один из древнейших и наиболее сложных феноменов религиозной жизни, получивших разностороннее осмысливание в теологической и философской традициях. Теологический и философский дискурсы не только исторически предшествовали научному изучению паломничества, но и сформировали его базовые концептуальные модели и проблемное поле. Следует отметить, что систематическое научное осмысливание феномена паломничества в разных отраслях знания развивалось асинхронно. Генезис научного изучения паломничества представляет собой не единый линейный процесс, а совокупность параллельных и взаимо влияющих дисциплинарных историй, каждая из которых внесла уникальный вклад в формирование современного междисциплинарного поля исследований феномена паломничества, зачастую называемого в научном мире *pilgrimage studies*.

Основная часть. Наиболее древнее осмысливание паломничества берет начало в фундаментальных библейских нарративах, где центральное место занимает идея пути [1]. Описанная в Ветхом Завете практика восхождения (алии) в Иерусалим на праздники Пасхи, Пятидесятницы и Кущей (Втор. 16:16) закладывает основу сакральной географии. Одновременно формируется тема метафизического странничества. Патриархи живут как «пришельцы и странники» (Быт. 23:4), а исход евреев из Египта становится образом духовного пути всего народа Божьего.

Согласно мнению ряда мыслителей прошлого, жизнь в эпоху античности сама по себе была концептуализирована как путь (греч. ὁδός), а философ представлялся как вечный странник, ищащий истину. Например, неоплатоник Плотин разработал концепцию мистического возвращения души к Единому, что можно считать метафизическими прообразом паломничества [2].

В Новом Завете учение о христианине как о «страннике и пришельце» (1 Пет. 2:11) в этом мире, чье истинное гражданство – на Небесах (Фил. 3:20), становится экзистенциальной основой для понимания паломничества как внешнего выражения внутреннего духовного состояния.

В период патристики со стороны некоторых Отцов Церкви формируется обоснование необходимости духовных путешествий. Проповедуется защита онтологической значимости священного места. Святители Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский утверждали, что поскольку Бог во Христе воспринял и освятил человеческую природу, то и материальные места, связанные с Его жизнью, а также с подвигом святых, становятся проводниками благодати [3]. Это была радикальная антитеза платоническому спиритуализму и гностическим тенденциям, отрицавшим ценность материального мира. Согласно мысли христианского философа Августина Блаженного, паломничество стало центральной метафорой человеческого существования: человек – это странник, чье мирское бытие есть путь из земного «града» в Град Небесный [4]. Здесь паломничество обретает онтологический иteleологический статус, определяя природу и конечную цель человека.

Схоласт Фома Аквинский наряду с постом и молитвой включает паломничество в систему средств, способствующих исцелению души и принесению удовлетворения Богу. Его ценность измеряется трудностью и отказом от собственного мышления, приносимым паломником [5]. В рамках мистической философской традиции Бонавентура, автор «Пути души к Богу», интерпретирует паломничество как аллегорию внутреннего пути души через аскетические практики,

в первую очередь очищение, просвещение, мистическое соединение с Богом [6]. Акцент смещается с внешнего путешествия на внутреннее духовное делание.

Начиная с эпохи Возрождения отношение философов и богословов к паломничеству было неоднозначным и во многом трансформировалось под влиянием идей Реформации и Контрреформации. Паломничество отвергалось приверженцами протестантских течений как не основанное на прямом указании в Писании и как суеверная практика, умаляющая уникальную испытательную жертву Христа и веру как единственное средство спасения. Католические мыслители, напротив, полагали, что почитание святых мест и реликвий – прямое следствие воплощения и неотделимо от почитания самого Христа. Также и православные богословы в большей степени поддерживали духовные путешествия, считая их важным средством религиозной практики, укрепления веры и источником благочестия. Паломничество осмысляется как образ бытия Церкви, которая сама по себе есть «народ Божий в пути» к Царству Небесному. Такую точку зрения высказывает, в частности, богослов Оливье Клеман [7]. Путь паломника понимается как пространственная литургия, где такие элементы маршрута, как труд пути, поклонение святыням, общая молитва, составляют единый богослужебный акт.

Кардинальный перелом в философском изучении паломничества произошел в XX веке благодаря в первую очередь развитию феноменологии религии. Работы Рудольфа Отто «Священное» и Мирчи Элиаде «Священное и мирское» заложили концептуальные основания для анализа паломнического опыта. Рудольф Отто вводит категории *mysterium tremendum* (тайна, внушающая трепет) и *mysterium fascinans* (тайна, влекущая к себе), описывающие двойственную природу переживания священного в паломничестве [8]. Центральное понятие паломничества – святыня – стала пониматься как иерофания – место явления священного. Мирча Элиаде разработал концепцию сакрального пространства и сакрального времени. Для паломника путешествие представляет собой движение от профанного, хаотичного пространства к центру мира (*axis mundi*), где возможно восстановление изначальной гармонии и обновление времени через участие в вечном мифе [9]. Паломничество, таким образом, есть онтологическая необходимость – способ преодоления экзистенциальной потерянности в лишенном сакральности мире. Феноменология сместила акцент с внешней, ритуальной стороны паломничества на внутреннее содержание опыта встречи со Священным.

Экзистенциальная философия и герменевтика предложили свой взгляд на паломничество, но не как на метафору, а как на фундаментальный модус человеческого существования. Макс Шеллер, Хельмут Плеснер в русле философской антропологии интерпретировали паломничество как присущую человеку «эксцентричность», его сущностную неукорененность и постоянное стремление к трансценденции, к выходу за собственные пределы [10; 11]. Экзистенциалисты Сёрен Кьеркегор, Мартин Хайдеггер увидели в паломничестве практику радикального самоопределения. По их мнению, путь к святыне является аналогом «экзистенциального проекта». Это движение к собственной аутентичности [12; 13].

Представители герменевтики – Поль Рикёр, Ханс-Георг Гадамер – интерпретировали паломничество как практику понимания. Дорога становится пространством нарратива, истолкования знаков и символов, а сам паломник – интерпретатором своего опыта и традиции. Паломничество предстает как «герменевтический круг»: странник отправляется в путь с определенным предположением, которое углубляется и трансформируется в процессе самого путешествия [14; 15].

Во второй половине XX – начале XXI века развитие философской мысли привнесло в изучение паломничества критический и деконструктивистский пафос. Представители критической теории и постколониальных исследований – Эдвард Сайд, Талал Асад – стали рассматривать паломничество как дискурсивную практику, тесно связанную с властью, идеологией и конструированием идентичности [16]. Анализу подверглось то, как традиционные маршруты и нарративы утверждают доминирование определенных культурных и религиозных моделей [17]. Жан Бодрийяр, представитель постмодернистской философии, предложил взгляд на современное паломничество как на симулякр – потребление заранее сконструированных образов и переживаний в условиях «утраты реального» [18].

Таким образом, генезис философского изучения паломничества представляет собой движение от метафизической метафоры к экзистенциально-феноменологической категории. Немаловажное значение для осознания данного феномена имел и критический анализ. Если изначально паломничество осмысливалось как аллегория жизненного пути к абсолютной цели, то философия XX века раскрыла его как уникальный способ бытия-в-мире, обладающий собственной онтологией, феноменологией и герменевтикой. Было сформировано смысловое ядро, без понимания которого научное изучение паломничества в социологии, антропологии и других дисциплинах рисковало бы свести его к совокупности социальных или экономических практик, утратив его глубинное содержание.

Философский подход осуществил ключевой сдвиг: он десакрализировал паломничество в узко конфессиональном смысле, но одновременно ресакрализировал его как универсальный антропологический опыт трансценденции, поиска смысла и конституирования собственной идентичности через движение и преодоление. Именно философия задалась вопросом не только о том, как устроено паломничество, но и о том, что оно означает для понимания природы человека и его места в мире. Она предоставила глубинный концептуальный фундамент, без которого междисциплинарное поле исследований паломничества осталось бы чисто описательным.

Паломничество, являясь одним из древнейших и наиболее устойчивых социально-религиозных феноменов, закономерно оказалось в поле зрения исторической науки. Однако его становление как объекта профессионального исторического исследования было длительным и нелинейным процессом. Генезис исторического изучения паломничества происходил от описательной истории событий и институтов к истории ментальностей, культурных практик и межкультурных взаимодействий. Первоначально научный интерес к паломничеству проявился в XIX в. в рамках церковной истории и медиевистики. Исследования таких ученых, как Л. фон Ранке, Ж. Мишле, а также специалистов по агиографии имели преимущественно фактографический и событийный характер. Рассматривались реконструкция маршрутов и хронология паломничеств известных лиц, изучение истории наиболее популярных паломнических центров в Иерусалиме, Риме, Сантьяго-де-Компостеле, сбор и публикация агиографических текстов и путеводителей. Что касается методологии исследований, то ключевым был историко-критический метод, направленный на установление достоверности источников, датировку событий и очищение от легенд. Паломничество анализировалось в большей степени как часть религиозной жизни эпохи, но не как самостоятельный социальный или культурный феномен. Ключевыми источниками стали Средневековые хроники, жития святых, документы папской канцелярии, отчеты о духовных путешествиях, к примеру, «Паломничество Эгерии».

В конце XX в. формируется история ментальностей. Фокус сместился на реконструкцию опыта, представлений и практик самих паломников. Историки Арон Гуревич, Жак Ле Гофф подобным образом исследовали картину мира средневекового человека. Паломничество стало изучаться как способ восприятия пространства и времени. Рассказы о духовных путешествиях начали анализироваться не только как источники информации, но и как литературные произведения, отражающие культурные коды и стереотипы эпохи [19; 20].

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется интегративным подходом в исследованиях и рассмотрением истории паломничества в более широких контекстах. Духовные путешествия исследуются как каналы межкультурного обмена, передачи идей, художественных образцов и технологий в мире прошлого и настоящего, например, связи между Европой, Византией, Ближним Востоком в эпоху крестовых походов [21]. Активно начала изучаться гендерная история, специфика женского паломничества, его отражение в источниках, таких как маршруты св. царицы Елены, прп. Евфросинии Полоцкой, св. Бригитты Шведской. Историки серьезное внимание уделили выявлению общих моделей и специфик паломнических практик в разных религиозных традициях: христианстве, исламе, буддизме, индуизме. Таким образом они способствовали созданию глобальной истории паломничества.

Эволюция методологии позволила исторической науке раскрыть многогранность феномена паломничества как экономического института, формировавшего рынки и денежные отношения, как социальной практики, создававшей новые формы солидарности и временно нивелировавшей

сословные различия, как культурного механизма, обеспечивавшего трансфер знаний, идей и художественных форм, как ментальной конструкции, отражающей фундаментальные категории пространства, времени и сакрального в сознании человека прошлого.

Соответственно, историческая наука не просто накопила огромный массив эмпирических данных о паломничестве, но и обеспечила его глубокую контекстуализацию, без которой невозможно его полноценное понимание как неотъемлемого элемента исторического процесса. Она продемонстрировала, что, следя по дорогам паломников, можно прийти к пониманию самых разных аспектов жизни общества: от экономики и политики до глубинных пластов человеческого сознания.

Тема паломничества также привлекла внимание и антропологов, которые провели глубокий анализ данного феномена как ритуала, порождающего особые формы социальности и культурного опыта. Первоначально паломничество не выделялось антропологами в отдельный объект исследования, а рассматривалось в общем контексте изучения ритуалов, верований и культурных контактов. Антропологи Эдуард Тайлор и Джеймс Фрэзер применяли эволюционистский подход, упоминая паломничество в рамках сравнительного анализа ритуалов и мифов, часто интерпретируя его как пережиток архаических верований или форму «примитивной» религиозности [22; 23]. Бронислав Малиновский и Альфред Рэдклифф-Браун, сторонники функционализма, обратили внимание на социально-интегративную и психологическую функции ритуалов, что заложило основу для будущего анализа паломничества как механизма поддержания социальной солидарности и снижения тревоги [24; 25].

Фундаментальную теоретическую основу для всего последующего изучения паломничества в антропологии заложил французский этнограф Арнольд ван Геннеп в работе «Обряды перехода». Он предложил универсальную трехфазную модель структуры ритуалов, сопровождающих изменение статуса индивида или группы: сепарация, лиминальность, реинтеграция [26].

Наследие ван Геннепа было блестяще развито и применено в исследованиях паломничества британским антропологом Виктором Тэрнером и его женой Эдит Тэрнер. Их работы, в первую очередь «Image and Pilgrimage in Christian Culture», стали основополагающими текстами, поменявшими парадигму исследований. Они по праву считаются классикой антропологии паломничества. Основываясь на полевых исследованиях в таких центрах, как Лурд (Франция) и Чалма (Мексика), Тэрнеры расширили концепт лиминальности ван Геннепа и описали концепт коммунитас, представляющий собой спонтанное возникновение чувства общности и равенства среди паломников. Супруги Тэрнеры сместили фокус с сакрального центра цели паломничества на процесс путешествия и формируемые им особые социальные отношения [27].

Современная антропология акцентирует внимание на телесных практиках паломничества: ходьбе, усталости, боли, голоде, а также мультисенсорном опыте: звуках, запахах, тактильных ощущениях. Паломничество изучается как *embodied practice* (воплощенная практика), где тело является не только транспортным средством, но главным инструментом познания и трансформации. Детально исследуется роль материальных объектов в духовном путешествии: обуви, посохов, реликвий, сувениров. Эти объекты рассматриваются как активные участники процесса, формирующие опыт, память и социальные связи. Паломничество анализируется также как практика конструирования идентичности (личной, коллективной, национальной) и как инструмент политической легитимации или культурного сопротивления.

Соответственно, генезис антропологического изучения паломничества представляет собой движение от фрагментарных описаний в рамках более общих теорий к формированию самостоятельной и влиятельной исследовательской парадигмы, основанной на концепциях лиминальности и коммунитас, и далее – к её критическому переосмыслению и методологическому обогащению.

Вклад антропологии является определяющим для междисциплинарного поля паломнических исследований, так как именно антропология сместила акцент с теологической цели паломничества на социальный и культурный процесс пути, предложила универсальный концептуальный аппарат, применимый для сравнительного анализа паломнических традиций в разных культурах и религиях, гуманизировала предмет исследования, сделав фокусом исследования не институты, а живой опыт самих паломников, их телесные практики, эмоции и способы осмысления

своего путешествия, деконструировала однородный образ паломничества, показав его внутреннюю сложность, противоречивость и встроенность в системы власти и идеологии.

Антрапологический подход позволил раскрыть паломничество как комплексный культурный и социальный феномен, являющийся ключом к пониманию механизмов функционирования обществ и культур. Современная антропология паломничества продолжает развиваться, интегрируя новые методологические подходы, например, цифровую антропологию для изучения онлайн-паломничеств.

Генезис изучения паломничества в социологии отражает общую эволюцию дисциплины: от макротеорий, объясняющих интеграцию общества, к микроуровневым исследованиям практик и значений, а также к пониманию социальной жизни как арены постоянной борьбы и переговоров. Социология внесла уникальный вклад, показав, что паломничество является не просто религиозным актом, но социальным полем, где концентрированно проявляются ключевые социальные процессы.

Первые социологические интерпретации паломничества сформировались под влиянием работ Эмиля Дюркгейма, Толкотта Парсонса в рамках структурного функционализма. В этой парадигме паломничество анализировалось как важный социальный институт, выполняющий ряд функций для поддержания социального порядка и солидарности. Паломничество интерпретировалось как механизм укрепления коллективного сознания и религиозной идентичности, сплачивающий разрозненных индивидов вокруг общих символов и ценностей [28]. Также через ритуал паломничества общество регулировало отклоняющееся поведение, снижало социальную напряженность и предоставляло легитимные формы временного выхода из привычных социальных ролей. Паломничество рассматривалось и как социальная практика, подтверждающая или повышающая статус индивида в религиозной общине [29].

Мощный импульс развитию социологии паломничества дали работы уже упомянутых выше антропологов Виктора и Эдит Тэрнер. Их концепции лиминальности и коммунитас были немедленно восприняты социологами как инструмент для анализа социальной структуры. Социологи увидели в паломничестве не просто ритуал, а социальный процесс [27].

В конце XX века благодаря работам Джона Ида, Майкла Салноу сформировалась критическая социологическая традиция, которая оспорила идеализированную модель коммунитас. Исследования этих авторов показали, что паломничество не отменяет, а часто воспроизводит и даже усиливает социальные, гендерные, классовые и этнические неравенства [30]. Также паломничество стало анализироваться как инструмент конструирования идентичности, к примеру, национальной, конфессиональной, легитимации политической власти и коммодификации, т. е. превращения религиозного опыта в товар.

Современная социология благодаря идеям Пьера Бурдье, Энтони Гидденса исследует паломничество не как единый акт, а как совокупность взаимосвязанных социальных практик, анализируя, как эти практики воспроизводят или трансформируют социальный порядок [31]. В теории структуризации паломничество рассматривается как сфера, где странники не являются пассивными продуктами структуры, но активно используют её ресурсы и правила, одновременно воспроизводя и изменяя саму эту структуру, например, создавая новые неформальные маршруты или правила поведения [32].

Социологи отмечают, что паломничество представляет собой динамическое социальное поле. В нём не только отражаются ключевые противоречия общества, но и непрерывно ведутся переговоры о смыслах и идентичностях, а также активно формируются новые социальные связи и коллективные представления.

Итак, социологический подход дополнил антропологические и исторические исследования, показав, что паломничество является не «вневременным» религиозным феноменом, а глубоко социальной практикой, укорененной в конкретных социально-экономических и политических контекстах. Это позволило раскрыть паломничество как комплексный социальный феномен, в котором воспроизводятся и трансформируются базовые социальные отношения, структуры власти и коллективные представления.

Паломничество как форма пространственной мобильности, направленной к духовным центрам, представляет собой классический объект географического исследования. Генезис географического изучения паломничества отражает общую эволюцию дисциплины от позитивистской парадигмы к гуманистической и социально-конструкционистской.

Изначально вклад географии в изучение паломничества заключался в его пространственной фиксации и систематизации. Основное внимание уделялось точному нанесению на карту маршрутов, важнейших святынь, монастырей, приютов и инфраструктуры паломничества. Это позволяло реконструировать исторические пути, например, святого Лаврентия в Европе или маршруты в Мекку, анализировать их связь с физико-географическими особенностями местности: рельефом, водными источниками, температурным режимом. В рамках географии религии паломничество изучалось как один из видов религиозного поведения, определяющий размещение и иерархию сакральных объектов на Земле.

Революцию в географическом изучении паломничества совершила культурная география, в частности, работы таких теоретиков, как И-Фу Туан и Дэвид Софер. Они предложили принципиально иной взгляд на пространство, не как на объективную данность, а как на социальную и культурно сконструированный феномен [33; 34]. И-Фу Туан разработал концепцию «места» и «пространства». Он ввел ключевое различие между абстрактным, однородным пространством и наполненным смыслами, персональным и эмоционально значимым местом [33]. Паломничество было переосмыслено как процесс трансформации пространства в место через его насыщение религиозными значениями, воспоминаниями и коллективными практиками. Географы, основываясь на идеях Мирчи Элиаде, начали исследовать, как определенные точки в физическом ландшафте наделяются статусом сакральных центров, становясь целью паломнического путешествия.

С конца XX века под влиянием социальной теории Пьера Бурдье, Анри Лефевра географические исследования паломничества сместились в сторону анализа пространственных практик и властных отношений. Паломническое пространство стало пониматься не как заранее данное, а как постоянно воспроизводимое и изменяемое через телесные практики паломников: ходьбу, молитву, поклонение, потребление. Саймон Коулман исследует феномен паломничества, объединяя географию, физиологию и нарративную теорию [35]. Географический подход во многом позволил понять, как пространственные практики конструируют религиозный опыт. Географы вслед за социологами начали изучать паломничество как арену конфликта интересов различных групп: религиозных институтов, государственных органов, местных сообществ, туристических компаний. В этой связи можно вспомнить напряженные ситуации вокруг храма Айя-София в Стамбуле или Храмовой горы в Иерусалиме.

Современная география паломничества развивается в русле нескольких новых направлений: география мобильности, сетевой анализ, виртуальное и воображаемое паломничество, нематериальное наследие. Паломничество исследуется в связке с туризмом, миграцией и номадизмом. Изучается не только физическое перемещение, но и сопутствующие ему потоки: капиталов, информации, образов. Анализируется география online-паломничества.

Соответственно, генезис географического изучения паломничества демонстрирует эволюцию от позитивистской фиксации пространственных форм к гуманистическому и социально-конструкционистскому анализу процессов производства пространства и его смыслов. География внесла уникальный вклад в междисциплинарное поле паломнических исследований, предложив аппарат для анализа того, как пространство становится сакральным и как это сакральное пространство, в свою очередь, структурирует поведение, опыт и социальные взаимодействия людей. Географический подход позволил раскрыть паломничество как многомерный пространственный феномен, в котором взаимодействуют физическая среда, символические значения и социальные практики.

Паломничество относительно поздно стало предметом систематического экономического анализа. Но экономический подход позволил выявить и смоделировать сложные хозяйствственные механизмы, лежащие в основе, казалось бы, сугубо духовной практики, и показать её значимость для экономик разного уровня. Ученые Анри Пиренн, Фернан Бродель отмечали роль крупных

паломнических центров (Иерусалим, Сантьяго-де-Компостела, Рим, Мекка) в качестве узлов международной торговли, стимулировавших развитие транспортных путей, рынков и ярмарок. Паломнические пути выступали каркасом для экономической коммуникации. Потоки странников были мощным стимулом для развития инфраструктуры: гостиничного хозяйства, общественного питания, медицинских и финансовых услуг.

С середины XX века, с увеличением массового туризма и развитием экономики услуг, паломничество стало объектом прикладных экономических исследований. Сформировалось представление о паломничестве как о сложном экономическом кластере. Исследования показали, что для многих депрессивных, или периферийных, регионов (например, Уттар-Прадеш, где расположен священный центр Индии, север Испании, по которому пролегает путь Святого Иакова) паломничество стало ключевым фактором экономической ревитализации, диверсификации и развития малого бизнеса.

Благодаря исследованиям Лоренса Ианнакконе в области экономики религии паломничество стало рассматриваться как элемент религиозного рынка. Паломник выступает как потребитель религиозных услуг и опыта, а религиозные организации – как поставщики, конкурирующие за «души» и ресурсы верующих. Цена паломничества (а именно затраты времени, денег, усилий) анализируется как форма сигнализации и устройства приверженности, повышающая ценность религиозного «товара» [36]. Паломничество также рассматривается как сфера столкновения экономических интересов различных групп: религиозных институтов, государства, местных бизнес-сообществ, самих паломников. Поведенческая экономика позволяет подвергнуть разбору иррациональные аспекты экономического поведения паломников.

Экономика впечатлений изучает паломничество как форму продажи впечатлений и трансформационного опыта. Здесь исследуется, как выстраивается цепочка создания ценности вокруг этого опыта, начиная от подготовки к путешествию и заканчивая потреблением сувениров как «материалных воспоминаний». Концепция «доверительных товаров» предполагает, что такие услуги, предлагаемые в паломничестве, как исцеление, отпущение грехов, духовная польза, относятся к категории «товаров», качество которых потребитель не может проверить даже после потребления. Экономистами активно исследуется проблема устойчивого развития паломнических центров, баланса между коммерческой эксплуатацией и сохранением аутентичности, духовной атмосферы и физической ёмкости экосистем.

Генезис экономического изучения паломничества демонстрирует переход от интуитивных наблюдений за его торговыми-финансовыми аспектами к построению комплексных экономических моделей, объясняющих его природу и влияние. Вклад экономической науки в *pilgrimage studies* заключается в том, что она раскрыла паломничество как мощный катализатор регионального развития; специфический сектор, где материальное и духовное неразделимы; область экономического поведения, сочетающую рациональность с иррациональными мотивами; объект управления, где необходимо уравновешивать прибыльность, наследие и экологию.

Соответственно, экономический подход дополнил гуманитарные исследования, показав, что паломничество является не только духовным и культурным, но и полноценным экономическим феноменом, отражающим фундаментальные законы производства, распределения и потребления ограниченных ресурсов в условиях, когда главным товаром выступают вера, надежда и трансформационный опыт.

Заключение. Таким образом, паломничество – это многомерный феномен, который сложно свести к одной дисциплине. Изучение паломничества является ярким примером междисциплинарности, где теология, философия, частные науки исследуют свой специфический аспект этого комплексного феномена. Вместе они создают его целостную картину.

Генезис научного изучения паломничества представляет собой классический пример формирования междисциплинарной области знания через интеграцию методов и концептов из разных наук. Каждая дисциплина вносит свой уникальный вклад. Так, теология обеспечила глубину смысловой перспективы, выражение внутреннего духовного состояния человека, философия изучила паломничество как движение от метафизической метафоры к экзистенциально-феноменологической категории, история подвергла анализу важные для паломников события прошлого,

антропология предложила ключевую ритуально-символическую парадигму, социология добавила анализ социальных функций и отношений между властями, география раскрыла пространственное измерение опыта духовных путешествий, экономика проанализировала паломнические практики как индустрию. Интересные идеи в изучение феномена паломничества также привносят соответствующие исследования в области лингвистики, психологии.

Современные исследования феномена паломничества (*pilgrimage studies*) являются синтезирующим полем, где комплексный объект – паломничество – пытаются изучать целостно, во всем многообразии своих проявлений, как многоаспектный социокультурный феномен, используя специфические подходы, методологические принципы и ключевые концепции. Дальнейшее развитие этой области знания видится в усилении интегративных тенденций, применении компаративных исследований, охватывающих паломнические традиции всего мира [37].

Список использованных источников

1. Библия онлайн. – URL: <https://bible.by/> (дата обращения: 01.10.2025).
2. Плотин. Сочинения : Плотин в рус. пер. / Плотин. – СПб.: Алетейя; М.: Греко-лат. каб. Ю. А. Шигалина, 1995. – 672 с.
3. Святитель Кирилл, архиеп. Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные / архиеп. Иерусалимский, свт. Кирилл. – М.: Благовест, 2010. – 349 с.
4. Августин Аврелий, блаженный. О граде Божием: пер. с лат. / Аврелий Августин, блаженный. – М.: АСТ, 2023. – 1247 с.
5. Аквинский, Фома. Сумма теологии: в 5 т. / Фома Аквинский; пер. с лат. А. В. Апполонова. – Изд. 2-е, испр. – М.: URSS, 2013–2015. – Т. 2: Первая часть. Вопросы 65–119. – 2014. – 656 с.
6. Бонавентура. Путеводитель души к Богу / Бонавентура. – М.: Греко-лат. каб. Ю. А. Шигалина, 1993. – 189 с.
7. Клеман, О. Истоки: Богословие отцов Древней Церкви: тексты и comment.: пер. с фр. / О. Клеман. – М.: Путь, 1994. – 383 с.
8. Отто, Р. Священное: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 270 с.
9. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде; пер. с фр. Н. К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
10. Шелер, М. О сущности философии: работы разных лет / М. Шелер. – М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2020. – 355 с.
11. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер; пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2024. – 368 с.
12. Кьеркегор, С. Страх и трепет / С. Кьеркегор; [пер. с дат.: Н. В. Исаева, С. А. Исаев]. – М.: Культур. революция, 2010. – 488 с.
13. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; [пер. с нем. В. В. Бибихина]. – Харьков: Фолио, 2003. – 509 с.
14. Рикёр, П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера / П. Рикёр; [пер. с фр. И. С. Вдовина]. – М.: Искусство, 1996. – 270 с.
15. Гадамер, Х.-Г. Миф и разум / Х.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного: [пер. с нем.]. / Х.-Г. Гадамер. – М., 1991. – С. 92–99.
16. Сайд, Э. Ориентализм / Э. Сайд. – М.: Музей соврем. искусства «Гараж», 2021. – 558 с.
17. Асад, Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / Т. Асад; пер. с англ. Р. Сафонова. – М.: Новое лит. обозрение, 2020. – 373 с.
18. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции = *Simulacres et simulation* / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Постум, 2015. – 239 с.
19. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
20. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. / Жак Ле Гофф; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 374 с.
21. Sumption, J. Pilgrimage: an image of mediaeval religion / J. Sumption. – London: Faber & Faber, 1975. – 391 p.
22. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – М.: Юрайт, 2025. – 742 с.
23. Фрэзер, Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Д. Фрэзер; пер. М. Рыклин. – М.: Азбука, 2025. – 976 с.
24. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский; [пер. с англ. А. П. Хомика; отв. ред. С. Л. Удовик]. – М.: Акад. проект, 2015. – 298 с.
25. Рэдклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции / А. Р. Рэдклифф-Браун; пер. с англ. – М.: Вост. лит., 2001. – 304 с.
26. Ван Геннеп, А. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / А. Ван Геннеп. – М.: Вост. лит., 1999. – 198 с.
27. Turner, V. Image and pilgrimage in Christian culture / V. Turner, E. Turner. – New York: Columbia Univ. Press, 2011. – 344 p.

28. Дюргейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюргейм // Социология: ее предмет, метод, предназначение: [сборник: пер. с фр.] / Э. Дюргейм. – М., 1995. – С. 174–462.
29. Парсонс, Т. Социальная система: [пер. с англ.] / Т. Парсонс. – М.: Акад. проект, 2018. – 529 с.
30. Eade, J. Contesting the sacred: the anthropology of Christian pilgrimage / J. Eade, M. J. Sallnow. – London: Routledge, 1991. – 158 p.
31. Бурдье, П. Практический смысл: [пер. с фр.] / П. Бурдье; общ. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии, 2001. – 562 с.
32. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс; [пер. И. Тюрина]. – М.: Акад. проект, 2003. – 525 с.
33. Туан, И.-Ф. Пространство и место: перспектива переживания / И.-Ф. Туан. – М.: Прогресс-Традиция, 2020. – 336 с.
34. Sopher, D. E. Geography and pilgrimage: a review / D. E. Sopher // Geography Research Forum. – 1992. – Vol. 12. – P. 106–119.
35. Coleman, S. Powers of pilgrimage: religion in a world of movement / S. Coleman. – New York: New York Univ. Press, 2022. – 335 p. <https://doi.org/10.18574/nyu/9780814717288.001.0001>
36. Iannaccone, L. R. Introduction to the economics of religion / L. R. Iannaccone // Journal of Economic Literature. – 1998. – Vol. 36, № 3. – P. 1465–1495.
37. Зайцев, Д. М. Паломничество в современном мире: тенденции развития / Д. М. Зайцев // Феноменология мифа и религии и тенденции развития современного религиоведения: сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т философии; под ред. Н. А. Никонович. – Мин., 2025. – С. 197–204.

References

1. *The Bible Online*. Available at: <https://bible.by/> (accessed 01.10.2025) (in Russian).
2. Plotin. *Works*. St. Petersburg, Aleteiya Publ.; Moscow, Greco-Latin cabinet, 1995. 672 p. (in Russian).
3. Sviatitel' Kirill, arkhiepiskop Ierusalimskii. *Catechetical and Mystery-Instructive Homilies*. Moscow, Blagovest Publ., 2010. 349 p. (in Russian).
4. Augustinus Aurelius. *On the City of God*. Moscow, AST Publ., 2023. 1247 p. (in Russian).
5. Thomae Aquinatis. *Summa theologiae: in 5 volumes Vol. 2. Part one. Questions 65–119*. Moscow, URSS Publ., 2014. 656 p. (in Russian).
6. Bonaventura. *The Soul's Guide to God*. Moscow, Greco-Latin cabinet, 1993. 189 p. (in Russian).
7. Kleman O. *Origins. Theology of the Fathers of the Ancient Church*. Moscow, Put' Publ., 1994. 383 p. (in Russian).
8. Otto R. *Das Heilige – Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen*. München, Verlag Beck C. H., 1987. 230 p. (in German).
9. Eliade M. *The sacred and the profane*. Moscow, Moscow State University, 1994. 144 p. (in Russian).
10. Sheler M. *On the essence of philosophy: works of different years*. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives, 2020. 352 p. (in Russian).
11. Plesner Kh. *Stages of the organic and man: Introduction to philosophical anthropology*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2024. 368 p. (in Russian).
12. Kierkegaard S. *Fear and trembling*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2010. 488 p. (in Russian).
13. Heidegger M. *Being and time*. Kharkov, Folio Publ., 2003. 509 p. (in Russian).
14. Riker P. *Hermeneutics and psychoanalysis. Religion and faith*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1996. 270 p. (in Russian).
15. Gadamer Kh.-G. *Myth and reason. Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow, 1991, pp. 92–99 (in Russian).
16. Said E. *Orientalism*. Moscow, Museum of Contemporary Art «Garage», 2021. 558 p. (in Russian).
17. Asad T. *The emergence of the secular: christianity, islam, modernity*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 373 p. (in Russian).
18. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Moscow, Postum Publ., 2015. 239 p. (in Russian).
19. Gurevich A. Ya. *Categories of medieval culture*. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 350 p. (in Russian).
20. Le Goff J. *Civilization of the medieval west*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 374 p. (in Russian).
21. Sumption J. *Pilgrimage: an image of mediaeval religion*. London, Faber & Faber, 1975. 391 p.
22. Tylor E. *Primitive culture*. Moscow, Yurait Publ., 2025. 742 p. (in Russian).
23. Frazer J. *The golden bough: a study of magic and religion*. Moscow, Azbuka Publ., 2025. 976 p. (in Russian).
24. Malinowski B. K. *Magic, science and religion and other essays*. Glencoe, Free Press, 1948. 327 p.
25. Radcliffe-Brown A. R. *Structure and function in primitive society: essays and lectures*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 304 p. (in Russian).
26. Van Gennep A. *Rites of passage: a systematic study of rites*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. 198 p. (in Russian).
27. Turner V., Turner E. *Image and pilgrimage in Christian culture*. New York, Columbia University Press, 2011. 344 p.
28. Durkheim E. *Elementary forms of religious life. Sociology: its subject, method, purpose*. Moscow, 1995, pp. 174–462 (in Russian).
29. Parsons T. *Social system*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 529 p. (in Russian).

30. Eade J., Sallnow M. J. *Contesting the sacred: the anthropology of Christian pilgrimage*. London, Routledge, 1991. 158 p.
31. Bourdieu P. *Le sens pratique* [The logic of practice]. Paris, Les Éditions de Minuit, 1980. 480 p. (in France).
32. Giddens E. *The structure of society: an essay on the theory of structuration*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 525 p. (in Russian).
33. Tuan I.-F. *Space and place: the perspective of experience*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2020. 336 p. (in Russian).
34. Sopher D. Geography and pilgrimage: a review. *Geography Research Forum*, 1992, vol. 12, pp. 106–119.
35. Coleman S. *Powers of pilgrimage: religion in a world of movement*. New York, New York University Press, 2022. 335 p. <https://doi.org/10.18574/nyu/9780814717288.001.0001>
36. Iannaccone L. R. Introduction to the economics of religion. *Journal of Economic Literature*, 1998, vol. 36, no. 3, pp. 1465–1495.
37. Zaitsev D. M. Pilgrimage in the modern world: development trends. *Fenomenologiya mifa i religii i tendentsii razvitiya sovremennoego religiovedeniya: sbornik nauchnykh trudov* [Phenomenology of myth and religion and trends in the development of modern religious studies: collection of scientific papers]. Minsk, 2025, pp. 197–204 (in Russian).

Информация об авторе

Зайцев Дмитрий Михайлович – кандидат философских наук, доцент. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mdizaj@tut.by. <https://orcid.org/0000-0002-7705-7561>

Information about the author

Dmitry M. Zaitsev – Ph. D. (Philos.), Associate Professor. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mdizaj@tut.by. <https://orcid.org/0000-0002-7705-7561>